

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Сербская историческая агиография: между хроникой и житием*

С. В. АЛЕКСЕЕВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Статья посвящена жанровым особенностям наиболее значительного памятника сербской средневековой историографии — «Житиям королей и архиепископов сербских» архиепископа Даниила II и его продолжателей.

Количество исторических нарративов в Сербии крайне невелико — «Летопись попа Дуклянина», «Жития» и появившиеся только во второй половине XIV в. родословы и летописи. Автор объясняет этот феномен архаизмом общественного устройства Сербии, и в частности прочностью родоплеменных традиций. К последним относилось и сохранение древней формы генеалогического предания-родослова, который вместе со связанными эпическими сказаниями вполне удовлетворял потребности светской элиты в официальной истории. С развитием духовной литературы, прежде всего житийной, последняя начинает приобретать черты исторических сочинений.

Кульминацией этого процесса стало создание свода Даниила II, придавшего традиционному королевскому родослову черты агиографического цикла. Тем самым история державы сербских Неманичей получала христианское осмысление. В ней находилось место и генеалогической традиции, и древним представлениям о сакральности носителя верховной власти. Опыт этот, однако, не получил дальнейшего развития в Сербии.

С началом турецких войн в силу политических и культурных причин жития правителей принимают более традиционную форму и не присоединяются больше к циклу. С другой стороны, появляются писанные родословы, а следом и сербские летописи. В традиционной сербской литературе родослов как форма подачи исторической информации сохранялся до конца XVIII в. В то же время «Жития», попав в русский историко-литературный обиход, стали вероятным образцом для создания в середине XVI в. «Степенной книги».

Судьбы исторической литературы сербов могут сопоставляться с ее судьбами у других европейских народов, сочетавших развитую письменную культуру с пережитками социальной архаики — исландцами, кельтами Британских островов.

Ключевые слова: Средние века, источники, южные славяне, Сербия, держава Неманичей, жития, родословы, летописи, фольклор, «Жития королей и архиепископов сербских».

---

* Исследование проводится при поддержке РФНФ (проект «Памятники сербской средневековой историографии XII–XVII вв.: перевод и исследование», №13-01-00118а).

The research is conducted with support from Russian Foundation for the Humanities (the project "Monuments of the Serbian Medieval Historiography of the 12th–17th Centuries: Translation and Investigation", No. 13-01-00118a).

Южнославянская литература Средневековья весьма бедна историческими сочинениями в собственном смысле слова. Основной причиной тому являлась политическая нестабильность в регионе, приводившая к неустойчивости складывавшихся здесь государственных образований. Потребность в создании официальной историографии, адресованной запросам их правителей и династий, просто не успевала оформиться.

В Болгарии завоевание Первого Царства в X — начале XI в. Византийской империей, видимо, прервало процесс становления местной историографии. Почти два века византийского господства сформировали новую культурную среду, в которой роль источников исторического знания играли отредактированные переводы византийских хроник. Последние давали достаточно подробные, пусть и субъективные сведения о болгарской истории. Другую, весьма своеобразную форму исторического сочинения предлагали историко-апокрифические сказания наподобие «Сказания Исая пророка» XI в. и др. Нестабильность Второго Царства уже во второй половине XIII в. вылившаяся в политический хаос, также не способствовала развитию местного летописания. Последнее известно только с начала XV в., уже в условиях османского завоевания.

Отчасти сходные причины повлияли на замедленное становление средневековой историографии в Хорватии. Венгерское завоевание конца XI — начала XII в. и борьба далматинского духовенства против славянской грамоты затормозили весь литературный процесс. Зарождение местной исторической литературы относится только к XIV в., старейшие хорватоязычные ее памятники — к XV в.

В сербских землях также имели место бурные исторические коллизии, распад одних политических общностей и появление на их месте других. За средневековый период здесь сменились четыре государства (не считая обособившихся отдельных владений): Древнесербское княжество IX–X вв., Дуклянская держава XI — первой половины XII в., держава Неманичей конца XII — второй половины XIV в., Сербская деспотовина конца XIV–XV столетий. Смены династий сопровождалась переносами центров государственного строительства. Из горных областей современной южной Сербии, Рашки, они перемещались в Приморье, затем вновь в Рашку и далее в Македонию, в конце же концов в Подунавье.

Однако Сербия до турок не знала периодов полного чужеземного подчинения, и влияние иностранной культуры никогда не было здесь подавляющим. Славянская грамота проникла сюда не позднее XI в., распространяясь хотя и медленно, но без особых препон. С XIII в. начинается расцвет сербской книжности и литературы, отмеченный памятниками житийного жанра, духовной поэзии, переводами.

И здесь, в отличие от Болгарии и Хорватии, мы видим целый ряд произведений исторического жанра. Однако число их все-таки крайне невелико, и все они весьма специфичны. «Летопись попа Дуклянина» — видимо, старейший памятник сербской (приморской) историографии XII в. (см.: Алексеев, 2006: 97–123). Она не сохранилась в славянском оригинале и осталась изолированной в сербской литературе. На деле она представляет собой запись родовых преданий, а не летопись или хронику. В XIV в. архиепископ Даниил (Данило) II создает «Жития королей и архиепископов сербских» (Архиепископ Данило ... , 1866) — цикл повествований о правителях династии Неманичей и главах Сербской церкви. В нем история подается через призму агиографической традиции, что нехарактерно для других европейских литератур Средневековья. Только в конце XIV в. в Сербии начинают создаваться летописи, причем им предшествуют как форма исторического повествования родословы — не связанные хронологией изложения родовой истории и генеалогии Неманичей.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать причины такого положения вещей. В частности, наша задача — объяснить специфику зарождения уникального историко-житийного жанра, представленного единственным в своем роде памятником королевско-владычной агиографии: «Житиями» Данилы II и его продолжателей.

Ключевой причиной, оказывавшей воздействие на весь облик сербской средневековой культуры, являлся общий архаизм общественного устройства. Условия среды обитания (долгое время преимущественно горные области Рашки, Боснии, Приморья), неустойчивость первых политических центров обусловили прочность родоплеменных традиций. Последние поддерживались и интенсивно возрождались в условиях временных упадков государственности. Итогом стала их живучесть во многих областях Сербии и в Черногории вплоть до нового времени. Еще к XIX в. и отчасти к XX в. относится целый ряд пережитков архаики в культуре и быту — вплоть до сохранения самих рода и племени как социальных структур.

На этом фоне становится яснее специфика жанрового состава старосербской литературы. Как отмечено выше, развитие в ней получили почти исключительно духовные жанры. Оригинальные литературные памятники XIII–XV вв. — жития и духовная поэзия. В отличие от Болгарии, долгое время отсутствует, за вычетом произведений работавших в Сербии болгарских авторов, литература богословская и апологетическая.

Еще одно разительное отличие от болгарской книжности — фонд переводных сочинений. В Сербии он вообще был гораздо меньше. Большая часть — нравоучительные и религиозные тексты в болгарских, реже русских версиях. Сами сербы, в чем можно увидеть парадокс, переводили сочинения более светского содержания. В XIV в. появляется знаменитая «Сербская Александрия», несколько позже «Роман о Трое». В XV в. переводятся с итальянского романы о Тристане и о Бове, причем в самой Сербии эти переводы распространения не получили, «уйдя» в западнорусские земли. Нетрудно заметить, что все названные произведения не имели отношения к сербской и вообще к «реальной» истории. Это были, используя русский термин XVII в., «неполезные повести», удовлетворявшие интерес немногих взыскательных читателей к разного рода экзотике.

Ниша «реалистической» литературы светского содержания заполнялась в Древней Руси летописями, светскими поучениями, эпосом, публицистикой, в Болгарии в основном переводными хрониками. В Сербии она пустовала. Причина этого достаточно очевидна. Светская знать долго оставалась в стороне или почти в стороне от литературного процесса — и как его участник, и как читатель. Богатая в любом архаическом обществе устная фольклорная традиция вполне удовлетворяла потребности, в том числе и королевского двора, в развлекательной и эпической литературе. Устное родовое предание, родослов, сохраняло роль официальной исторической традиции. Это ясно видно из «Летописи попа Дуклянина», которая практически воспроизводит форму своих устных прототипов. Она описывает историю по поколениям и правлениям королей, с явным фольклорно-эпическим элементом, не уделяя внимания реальной хронологии. Похожи в этом отношении, особенно в ранних разделах, и сербские письменные родословы XIV–XVIII вв., хотя они более привязаны к «внешней» истории.

Историко-генеалогическая традиция существовала в двух взаимодополняющих измерениях — как общеизвестный родослов-перечень правящей династии и как совокупность эпических дружинных сказаний. Хранителями последних как в Средние ве-

ка, так и позднее, в пору чисто «народного» бытования эпоса, являлись люди, специально обученные. В сербской традиции это слепые певцы-гуслеры, для которых пение являлось основным занятием. Слепота здесь оказывается сродни древней инициации певца-поэта, знаком особого избранничества.

Надежным показателем архаизма сербского эпоса являлось длительное сохранение в нем исторической памяти. Еще в XIX в. гуслеры представляли, пусть в общих чертах, имена действующих лиц и последовательность событий сербской истории XIV столетия. В русских же былинах, например, весь период до XVI в. слился в «эпическое время» князя Владимира. Неудивительно, что сербский эпос вследствие миграций сербов оказал мощное воздействие на другие южнославянские традиции. Из сербо-македонских сказаний происходит образ сербского королевича Марко — самого популярного эпического героя южных славян.

Устная передача исторической памяти в родослове и песне не просто нормативная, а сакрализованная через образ певца, почти табуирует ее запись. Первые записи эпических памятников относятся к XVI в. и сделаны в Дубровнике местными интеллектуалами (см.: Народне пјесме ... , 1878). Не ранее конца XVII в. появляется первая собственно сербская обработка героического эпоса — «Прича о бою косовском» (Прича ... , 1989). Оформлена она при этом как новое «Житие кнеза Лазаря» — эпос еще не существовал в писаной литературе в своем праве.

Однако, сколь бы естественной для сербской элиты XII–XIV вв. ни была устная историческая память, история не могла не отражаться в повествовательной литературе, единственным жанром которой были жития. Уже в начале XIII в., фактически при рождении старосербской литературы, на самом высоком возможном уровне делается первый шаг в этом направлении. Сыновья основателя династии Стефана-Симеона Немани — король Стефан Первовенчанный и архиепископ св. Сава создают жития отца. Житие, написанное Савой, более традиционно и посвящено практически исключительно монашеству св. Симеона (Списи ... , 1928: 151–175). Однако «королевская версия» (Стефан Првовенчани, 1999: 15–107) носит несколько иной характер. Правлению Стефана Немани здесь уделяется не меньше места, чем его религиозным добродетелям, описываются и войны, в том числе междоусобные, и завоевания. В завоевательных успехах отца и разорении им вражеских земель автор не видит ничего заторного. Под пером высшего представителя светской аристократии житие неизбежно меняет свой пафос и начинает превращаться в историческое сочинение. Во второй половине XIII в. созданную королем-агиографом модель развил, сближая в то же время с традиционным житием, ученик Савы Доментиан. Его дилогия из житий св. Симеона и Савы (Доментијан, 1865) насыщена историческим содержанием и в то же время акцентирована на святости обоих героев.

Между тем жития отдельных лиц, стоявших у истоков новой державы, не могли восполнить возникшей и постепенно растущей потребности в фиксации устной истории-родослова в целом. Потребность эта проистекала как из внутреннего развития культуры, так и из внешних обстоятельств. Подчинение Южной Далмации, Македонии, Подунавья, рост культурного влияния Болгарии, развитие дипломатических контактов с Западом и с Византией создали новую для сербской знати ситуацию. Теперь власть сербских королей нуждалась в легитимизации как на международной арене, так и в среде разноэтничных подданных, в том числе образованных горожан. В среде же сербского духовенства зрело представление о престижности и необходимости описать историю своих правителей и своего народа.

Опыт неизвестного приморского автора, создавшего «Летопись попа Дуклянина», мог быть использован только от противного. Дуклянская традиция являлась для Рашки чужой и прямо враждебной. «Летопись» не устает подчеркивать вассальный долг рашан перед дуклянской династией, изображая предшественников Немани коварными узурпаторами. Бытование «Летописи» в славяно-далматинской среде Антибари, Дубровника и Котора в XIII–XIV вв. могло стать дополнительным стимулом для создания собственной версии истории в Сербии. Впрочем, версия эта должна была быть обращена не к далекому прошлому, а к настоящему. История уже для Стефана и Доментиана начинается с правления Немани. И его отец Завида, какое-то время приверженный «латинской ереси», и братья, с которыми Неманя воевал, ни разу не называются ни в одном житии по именам. Святой Симеон, увенчавший свое правление пострижением на Афоне, «обновляет свою дедину», заново основывает род и державу.

Именно эта идея легла в основу первой попытки зримо зафиксировать королевский родослов — в иконописи. С конца XIII в. на стенах сербских храмов появляются рисованные родословы — «лоза Неманичей». Отдаленно они напоминают западноевропейские «галереи королей», вошедшие в моду незадолго до того, но в целом являются сербским изобретением. В них, как и в житиях, род начинается со св. Симеона и подчеркивается принадлежность к первому поколению Неманичей св. Савы (см.: Радојчић, 1996). В этих ярких памятниках сербского изобразительного искусства впервые проглядывает представление о династии Неманичей как роде святых, «святой лозе».

Оформляется же оно в «Житиях королей и архиепископов сербских», созданных в архиепископство Данилы II (1324–1337). «Жития» оценивались в сербской литературе, в том числе научной, двойко — или как «родослов», или как житийный цикл. Название книги отвечает обоим толкованиям: «Житие и жизнь и повести богоугодных деяний святых благоверных и христоролюбивых королей сербских...» (Архиепископ Данило ... , 1866: 1). По сути, это и был родослов в форме агиографического цикла. Расставленные в хронологической последовательности жития королей оказались весьма логичной формой представления их родовой истории. Это вполне соответствовало и модели устного родослова. Данило, выходец из знатного рода, соединивший причастность к аристократии и высшую духовную власть, оказался естественным автором для такой идеи. Немаловажным условием для ее появления явилось и укрепление духовной власти Сербской церкви. Последняя вела упорное наступление на языческую архаику, а также на пустившие в сербских землях корни еретические воззрения богомилов-бабунов. Последние, видимо, имели существенные позиции в Рашке до Немани, но со времени его правления жестко вытеснялись — впрочем, всего лишь отступая в соседнюю Боснию. В условиях борьбы с языческими пережитками и ересью освоение (и присвоение) королевского родослова становится для сербского православного духовенства насущной задачей.

Идейные основы цикла «Житий» реализуют религиозно-политические задачи их автора. История в «Житиях» начинается с наследников Немани; ни один из его предков и предшествующих правителей Рашки или Дукли не упоминается. Неманя именуется «учителем первым, обновителем и просветителем отечества своего» (там же: 4). Не повторяя житий его и св. Савы, Данило переходит прямо к наследникам Стефана Первовенчанного. Королевские жизнеописания, естественные для родослова, однако, сопровождаются параллельными, более традиционными житиями глав Церкви, преемников св. Савы. В этом создаваемом агиографом единстве светской и церковной ис-

тории отражается идея симфонии двух властей. Только в единении с Церковью носитель верховной светской власти обретает сакральность. Но последняя для Данилы вне сомнений. Все описанные им короли — Урош I, Драгутин, Милутин — «благочестивы» и «святы», притом что последние двое друг с другом враждовали. Из всех славянских христианских культур именно в сербской наиболее прямую интерпретацию нашла древняя идея священности не только самой государственной власти, но и ее носителя (см. об этом: Алексеев, Плотникова, 2012).

Данило II создал величественную картину истории своего государства, на протяжении более чем века управляемого династией святых королей при помощи святых глав Сербской церкви. Однако полноценного продолжения его свод не получил. Так называемый ученик Данилы написал жизнеописание его самого и короля Стефана Дечанского, начал писать «житие» царя Стефана Душана, но не закончил его. Собственно, описывать в житийном ключе уже Стефана Дечанского, изгнанного своим «благочестивым и христоробивым» отцом Милутином, было затруднительно. Стефан Душан же — величайший завоеватель и законодатель средневековой Сербии, но отцеубийца, представлял проблему неразрешимую. Очевидно, после лояльного к монарху «ученика» не нашлось никого, кто закончил бы королевское житие. Тем более что последствия политики Душана напоминали небесное наказание. Возвышенные им аристократы фактически отстранили от власти его сына Уроша, а их распри проложили дорогу турецкому нашествию.

Королевскую часть житий последующие авторы продолжать не стали. Уже второй продолжатель ее попросту «теряет». У третьего, воспевавшего создание сербской патриархии, измельчавшие светские правители второй половины XIV в. — лишь спутники деятельности глав Церкви. Это при том, что ни почитание святых королей, ни канонизация новых святых правителей не прекращались. Однако поздние жития сербских королей, князей и деспотов никогда не были сведены в цикл или добавлены к нему — по крайней мере в самой Сербии. Они по преимуществу более традиционны, напоминая болгарские и русские жития святых правителей. Болгарин Григорий Цамблак в начале XV в. создал новое житие Стефана Дечанского. Житие деспота Стефана Лазаревича (1389–1427) создал живший при его дворе болгарин Константин Философ-Костенецкий. Содержащие немало исторической информации, оба жития — памятники более агиографические. В меньшей степени относится это к трем житиям отца деспота Стефана, князя Лазаря, павшего на Косове в 1389 г. Однако они в основном сосредоточены именно на гибели героя — главном обосновании его святости.

Небольшой цикл составили созданные в конце XV — XVI в. жития правителей из династии Бранковичей — деспота Стефана Слепого, его жены Ангелины и их сыновей. Однако повествование о Бранковичах также в большей степени агиографическое. Политическая история времен крушения деспотовины под ударами турок не давала поводов для прославления правителей.

Последней попыткой создать новый цикл, выстроив в непрерывную цепь повествование о Неманичах, Лазаревичах и Бранковичах, можно признать творчество патриарха Паисия (первая половина XVII в.). Заполняя зримую лауну цикла Данилы II, он создал первое житие короля Стефана Первовенчанного. Было им написано и краткое житие последнего сремского деспота Стефана Штиляновича — логичное завершение цикла Бранковичей. Главным же житийным трудом Паисия стало житие последнего царя из рода Неманичей — Стефана Уроша, которого патриарх канонизировал. Его жизнеописание дано в обрамлении общей истории Сербии, — причем отстранение от

власти и гибель законного царя становятся прологом к гибели государства. Однако житие Стефана Уроша, содержащее в себе всю историю державы Неманичей, уже не нуждалось во включении в какой-либо цикл. Создание нового свода житий осталось неосуществленным.

Причиной упадка исторической историографии был не только общий упадок культуры с наступлением турецкого владычества. С конца XIV в. идет поиск новых форм историописания. В 1370-х годах появляется писанный родослов, создание которого было вызвано чрезвычайным обстоятельством — прекращением династии Неманичей. Провозгласивший себя королем Сербии боснийский бан Твртко нуждался в обосновании и пропагандировании своих весьма спорных прав. В конце XIV в. появляется «старшая» сербская летопись. И создатели родослова, и первые летописцы отчасти пользовались житийными циклами и даже пытались им подражать. Особенно это заметно в наименее привычном для сербского читателя летописном жанре. «Старшая летопись» в двух списках носит название «Жития», и принцип погодного изложения в ней утвердился не сразу (см.: Стојановић, 1927).

Раз проявившись в писаной литературе, консервативная форма родослова затем демонстрировала поразительную устойчивость. Родословами пользовались и повторяли их летописцы. Паисий целиком включил список старейшего родослова в качестве пролога к своему Житию царя Уроша, а в качестве эпилога составил собственный краткий текст в том же жанре. Итогом и кульминацией эволюции сербских родословов стал так называемый Тронецкий родослов конца XVIII в. (Јосиф Тронецац, 2008). В этом наиболее пространным из памятников жанра излагается история с легендарных времен до падения Сремской деспотовины в XVI в. В ткань текста включены разнообразные предания, в том числе не записывавшиеся ранее, а также элементы критической историографии — полемика с другими авторами.

Между тем сербская традиция исторических житий получила своеобразное продолжение на Руси. В рамках «Русского хронографа» 1512 г. история Сербии излагалась на основе житий правителей — как включенных в цикл Даниила II, так и более поздних. Именно сербский житийный цикл стал наиболее вероятным образцом при составлении в середине XVI в. «Степенной книги царского родословия». Последняя включала как построенные по поколенным «степеням» жизнеописания правителей, так и жития русских митрополитов. Увенчивало книгу повествование о царствующем монархе — Иване IV.

Создание сербского цикла королевских житий явилось закономерным этапом освоения средневековой письменной культурой устного родослова. Необходимость в этом, в свою очередь, была неизбежна при сохранении на различных уровнях культуры ее архаических форм. Их длительная сохранность, в том числе и в литературе, была неразрывно связана с архаическими чертами в социальном укладе. Это сближает сербскую повествовательную литературу Средневековья со средневековой литературой ряда других народов Европы — ирландской, валлийской, исландской. Для всех них было характерно сосуществование развитой письменной культуры и социальной архаики. На поле этого сосуществования и рождались такие литературные явления, как исландские саги или сербские родословы в различных их формах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, С. В. (2006) Предания о дописьменной эпохе в истории славянской культуры XI–XV вв. М. : Национальный ин-т бизнеса. 412 с.

Алексеев, С. В., Плотникова, О. А. (2012) Мечты о Новом Иерусалиме. Христианское обоснование власти: Византия, Болгария, Русь // Родина. № 5. С. 51–52.

Архиепископ Данило и други. (1866) Животи краљева и архиепископа српских / изд. Ђ. Даничић. Загреб. XV, 385 с. (На сербск.).

Доментијан. (1865) Живот светога Симеуна и светога Саве / изд. Ђ. Даничић. Биоград. XIX, 345 с. (На сербск.).

Јосиф Трношац. (2008) Трношки родослов / прев. Д. Протић. Шабац : Епархија Шабачка ; Александрија. 184 с. (На сербск.).

Народне пјесме из старијих, највише приморских записа (1878) / сабр. и изд. В. Богишић. Биоград. CXLII, 430 с. (На сербск.).

Прича о боју косовском (1989) / Приопћио Ст. Новаковић. Београд : Просвета. 220 с. (На сербск.).

Радојчић, С. (1996) Портрети српских владара у средњем веку. Београд : Републичке завод за заштиту споменика културе. 232 с. (На сербск.).

Списи св. Саве (1928) / изд. В. Ђоровић. Београд ; Сремски Карловци : Српска Краљевска академија. LXIII, 255 с. (На сербск.).

Стефан Првовенчани. (1999) Сабрана дела / изд. Т. Јовановић ; предг., прев. и комм. Љ. Јухас-Георгиевска. Београд : Српска књижевна задруга. CXVI, 184 с. (На сербск.).

Стојановић, Љ. (1927) Стари српски родослови и летописи. Београд ; Сремски Карловци : Српска Краљевска академија. CVIII, 382 с. (На сербск.).

Дата поступления: 30.05.2014 г.

*SERBIAN HISTORICAL HAGIOGRAPHY:
BETWEEN THE CHRONICLE AND VITA
S. V. ALEKSEEV
(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)*

The article is devoted to genre features of the most significant monument of Serbian medieval historiography — «Lives of the Kings and Archbishops of Serbia» by Archbishop Daniel II and his successors.

The number of historical narratives in Serbia is extremely small and includes «The Chronicle of the Priest of Duklja», «Lives» and the genealogies and annals, which appeared only in the second half of the 14th century. This phenomenon can be explained by the archaic social structure of Serbia and, in particular, by the strength of tribal traditions. The latter include the preservation of ancient forms of genealogical legends (rodoslov), which, together with related epic tales, fully satisfied the official history needs of the secular elite. With the development of spiritual literature, primarily the hagiographic, it started to acquire some features of historical works.

The climax of this process came with the creation of the corpus of Daniel II, which introduced some features of a hagiographic cycle into traditional royal genealogies. Thus, the history of the Nemanjich state received a Christian understanding, which incorporated the genealogical tradition and the ancient ideas about the sacredness of the supreme ruler. This experience, however, did not receive further development in Serbia.

Since the beginning of the Turkish wars, political and cultural reasons helped the vitae of rulers took a more traditional shape. They were no longer linked to a larger cycle. On the other hand, there appeared written genealogies and then the Serbian annals. In traditional Serbian literature the genealogy was maintained as a form of historical information until the end of the 18th century. At the same time, «The Lives», having entered into literary and historical use in Russia, became a likely model for the «The Book of Royal Degrees» (mid-16th century).

The fate of Serbian historical literature can be compared with that of other European nations which combined a developed written culture with vestiges of social archaism (Icelanders, the Celts of the British Isles).

Keywords: Middle Ages, sources, the South Slavs, Serbia, Nemanjich state, vitae, genealogies, annals, folklore, «Lives of the Kings and Archbishops of Serbia».

REFERENCES

Alekseev, S. V. (2006) *Predaniia o dopis' mennoi epokbi v istorii slavianskoi kul'tury XI–XV vv.* [Tales of Pre-literacy Era in the History of the Slavic Culture of the 11th–15th Centuries]. Moscow, The National Institute of Business Press. 412 p. (In Russ.).

Alekseev, S. V. and Plotnikova, O. A. (2012) *Mechty o Novom Ierusalime. Khristianskoe obosnovanie vlasti: Vizantiia, Bolgariia, Rus'* [The Dreams of the New Jerusalem. Christian Justification of Power: Byzantium, Bulgaria, Rus']. *Rodina*, no. 5, pp. 51–52. (In Russ.).

Arhiepiscope Danilo i drugi. (1866) *Zhivoti kraljeva i arbiepiskopa srpskib* [Life of Kings and Archbishops of Serbia] / ed. by C. Danichich. Zagreb. xv, 385 p. (In Serb.).

Domentijan. (1865) *Zhivot svetoga Simeuna i svetoga Save* [Life of Saint Simeon and Saint Sava] / ed. by C. Danichich. Biograd. xix, 345 p. (In Serb.).

Josif Tronoshats. (2008) *Tronoshki rodoslov* [Tronosh Genealogy] / transl. by D. Protich. ?abac, Eparhija Shabachka ; Aleksandrija. 184 p. (In Serb.).

Narodne pjesme iz starijih, najvishe primorskih zapisa [Folk Songs from Old, Primarily Coastland Records] (1878) / coll. and ed. by V. Bogishich. Biograd. cxlii, 430 p. (In Serb.).

Pricha o boju kosovskom [Tale of the Kosovo Battle] (1989) / prep. by St. Novakovich. Beograd, Prosveta. 220 p. (In Serb.).

Radojchich, S. (1996) *Portreti srpskih vladara u srednjem veku* [Medieval Portraits of Serbian Rulers]. Beograd, Republicke zavod za zashtitu spomenika kul'ture. 232 p. (In Serb.).

Spisi sv. Save [Writings of St. Sava] (1928) / ed. by V. Chorovich. Beograd; Sremski Karlovci, Srpska Kraljevska akademija. lxiii, 255 p. (In Serb.).

Stefan Prvovenchani. (1999) *Sabrana dela* [Collected Works] / ed. by T. Jovanovich ; pref., transl. and comm. by L. Juhas-Georgievska. Beograd, Srpska knjizhevna zadruga. cxvi, 184 p. (In Serb.).

Stojanovich, L. (1927) *Stari srpski rodoslovi i letopisi* [Old Serbian Genealogies and Annals]. Beograd, Sremski Karlovci, Srpska Kraljevska akademija. cviii, 382 p. (In Serb.).

Submission date: 30.05.2014.

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, главный редактор журнала «Научные труды Московского гуманитарного университета», председатель правления Историко-просветительского общества «Радетель». Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 3. Тел.: +7 (499) 374-55-81. Эл. адрес: ipo1972@mail.ru

Alekseev Sergey Viktorovich, Doctor of History, Professor, Head of the Department of History, Moscow University for the Humanities, Chief editor, The Scholarly Works of Moscow University for the Humanities, Chairman of the Board, Historic-Educational Society "Radetel". Postal address: B. 3, 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-55-81. E-mail: ipo1972@mail.ru